

Князев Александр Алексеевич
д.и.н., ст. научный сотрудник ИВ РАН

БОРЬБА США И НАТО С АФГАНСКИМИ УГРОЗАМИ? ОПЫТ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Говорить отдельно о НАТО в контексте проблемы афганского наркотрафика и, шире, формирования угроз афганского происхождения, для стран Средней Азии сложно и не всегда правомочно. Активность Североатлантического альянса реализуется в комплексе с деятельностью в регионе собственно США, а также по линии большого ряда международных организаций – ОБСЕ, ЕС, структур ООН и других. Поэтому и рассматривать формирование угрозного потенциала для региона необходимо путем комплексного подхода, говоря о «совокупном Западе», и/или рассматривая деятельность каждого из акторов отдельно.

* * *

История производства наркотиков в Афганистане и превращения этой страны в 1990-х гг. в крупнейшего мирового импортера опиума и героина тесно связана с затяжным внутренним вооруженным конфликтом, провоцируемым внешними силами и ставшим главной причиной перманентной слабости государственных структур. По сути, на протяжении всего времени существования афганского государства его отличала высочайшая степень дефрагментации власти, обусловившая и отсутствие сколько-нибудь действенного государственного контроля над развитием производства наркотических веществ.

Учитывая, что Афганистан входит в число стран Центральной и Передней Азии, где выращивание опиумного мака и торговля опиумом были и остаются занятиями традиционными, можно понять и исходные предпосылки явления, ставшего одной из наиболее очевидных угроз для многих стран мира к началу XXI в.

Впрочем, широкомасштабная реализация этих предпосылок относится только к последней четверти XX в., когда для нее сложились соответствующие условия.

В начале XX века наркотические вещества были представлены в структуре контрабанды, задерживавшейся пограничниками Закаспийской и Амударьинской бригад Отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи. Однако по происхождению эти наркотики были различны: задерживался опиум китайского, индийского, афганского и, особенно,

персидского происхождения. Любопытным представляется отметить, что уже в предвоенный период на линии советско-афганской границы, помимо угроз военного характера, проблема незаконного оборота наркотиков в определенной степени все же присутствует. Это подтверждается, например, «Справкой командования пограничной охраны и войск ОГПУ в Средней Азии об основных товарах импортной и экспортной контрабанды за период с 1 октября 1925 г. по 1 апреля 1926 г.»: «...Персидский опий (терьяк). Говорить о потребности населения в данном товаре не приходится, так как употребляет его местное население скрыто. Вообще говоря, курение опия среди населения Средней Азии хотя и очень распространено (употребляют опий 20 %), но его нельзя назвать массовым явлением и в большей части контрабанда такого производится с целью продажи...»¹:

	Цена в Персии	Цена в Китае	Цена контрабанды на территории Туркмении	Цена в Ташкенте
В среднем один фунт опия	15-16	40-60	22-23	25-30

Примерно до 1980-х гг. Афганистан не занимает какого-то исключительного, особого места в перечне стран, производивших опиум. Однако традиционный характер возделывания содержащих наркотические вещества культур при расширении международных связей страны в реалиях современности не мог не способствовать росту интереса к данному факту со стороны международных криминальных структур. Значительное расширение посевных площадей под разведение опиумного мака и увеличение экспорта опиума оказалось связано с движением сопротивления в период войны 1979-1989 гг. Деньги, вырученные от продажи опиума, полевые командиры использовали, помимо личного обогащения, на приобретение оружия, боеприпасов, вооружения, на вербовку наемников. В Пакистане располагались лагеря афганских беженцев, многочисленные лаборатории по переработке опия в героин. «Специальный мешочек опия весом 2,4 килограмма стоит здесь от 60 до 90 тысяч афгани, а один джериб² дает до 20 килограммов опия. Для сравнения: ман³ пшеницы продается за 650 афгани, джериб дает 140 килограммов этой культуры. Разница в доходе разительная. По мере переработки в героин опийная смола дорожает неизмеримо, принося огромные доходы моджахедам... В 1991 году через Пакистан прошла тысяча тонн опия. Четыре пятых этого количества предназначались для переброски в Западную Европу, Юго-Восточную Азию и за океан. Остальное проглотил огромный пакистанский рынок. В этой стране число потребителей возросло

¹ Пограничные войска СССР. 1918-1928. Сборник документов и материалов. – М.: Наука, 1973. – С.693.

² Джериб – 0,11 га (1 га = 9,09 джероба).

³ 7 кг.

до 2,53 миллиона человек, средства, вовлеченные в наркобизнес, составляют не менее 200 миллиардов долларов».⁴

Правительство США в этот период отказывалось рассматривать сообщения о контрабанде наркотиков. ЦРУ США, курировавшее афганское движение сопротивления выиграло противостояние с Управлением по борьбе с распространением наркотиков США (US Drug Enforcement Administration, DEA), требовавшим реагирования американских властей на рост поставок наркотических веществ из зоны так называемого «Золотого полумесяца». При этом, по мнению Алена Лабрусса – ведущего аналитика Группы по изучению положения с торговлей наркотиками и токсикоманией при правительстве Франции, «до 1979 года производство опиума в Афганистане колебалось в пределах 200-400 тонн ежегодно. К моменту вывода советских войск оно увеличилось до 1000-1500 тонн... Пакистанские спецслужбы в свое время наладили обмен с афганскими моджахедами. Из Пакистана уходили караваны с оружием, предоставленным американцами для борьбы против советских войск. Эти же караваны возвращались из Афганистана, груженные опиумом. Его перерабатывали в лабораториях на пакистанской территории. А вырученные от продажи героина деньги использовались для финансирования тайных подрывных операций в Индии, в Кашмире. С тех пор для некоторых пакистанских генералов эта торговля стала личным бизнесом...».⁵

До войны 1979-1989 гг. посевы опийного мака на территории Афганистана находились в основном в Бадахшане и составляли в структуре посевных площадей не более 0,15 процента.⁶ Примерно к середине 1990-х гг. основные плантации опийного мака в Афганистане находятся уже в Гильменде и Нангархаре, где производится до трех четвертей всего афганского опиума.

Советской стороной, в период военного и политического присутствия в Афганистане, какой-то особой и целенаправленной работы по противодействию производству и распространению наркотиков не проводилось.⁷ Чаще всего борьба с распространением наркотических веществ осуществлялась лишь в тех ситуациях, когда это совпадало с общими военными задачами. Так, например, в апреле 1982 года была разгромлена база международных торговцев наркотиками в провинции Нимруз, в районе Рабат-и-Джали вблизи стыка границ Афганистана, Ирана и

⁴ *Тыссовский Ю.* Моджахеда разворачивают наркобизнес// Азия и Африка сегодня. – М., 1991. – № 9. – С. 14.

⁵ *Гусейнов Э.* Наркотрафик из Афганистана не уменьшится// Известия. – М., 2001. – 12 октября. – С. 8.

⁶ *Давыдов А.* Проблемы восстановления экономики// Азия и Африка сегодня. – М., 2000. – № 4. – С. 14.

⁷ Хотя о том, что в этом криминальном производстве были задействованы практически все группировки вооруженной оппозиции, пишут практически все авторы, включая и участников событий. См. например: *Спольников В.Н.* Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. – М.: Наука, 1990. Среди лидеров и командиров оппозиции, связанных с торговлей наркотиками, называют Гульбетдина Хекматиара, Бурханутдина Раббани, Абдул Расула Сайяфа. – *Ляховский А.А., Забродин В.М.* Тайны афганской войны. – М.: Планета, 1991. – С. 141-145.

Пакистана. Помимо наркотиков, Рабат-и-Джали был еще и местом концентрации караванов с оружием и джихадистских группировок.

Правительства Мохаммада Дауда, Нур Мохаммада Тараки, Бабрака Кармаля, Наджибуллы в 1970-1980-х гг. предпринимали меры, направленные на пресечение производства и потребления наркотиков. По ряду объективных и субъективных причин, главное место среди которых занимала permanently сложная социально-экономическая и политическая (а постепенно все более – и военная) обстановка в стране, эти меры не были настолько эффективными, как того требовала ситуация. При правительстве Наджибуллы была даже создана Высшая комиссия по разработке программы борьбы с наркотиками, которую возглавлял один из вице-премьеров правительства. В создававшейся программе предусматривалось, помимо прочего, и широкое применение экономических методов воздействия. Например, в соглашениях о перемириях с полевыми командирами моджахедов, особенно после объявления правительством Наджибуллы политики национального примирения в начале 1987 г., включались пункты, обязавшие их прекращать производство наркотиков и их контрабанду при условии, что правительственная сторона выделит населению определенного района семена различных культур, сельскохозяйственную технику, удобрения и т.д. И работа этой комиссии давала некоторые результаты: были изъяты из незаконного оборота сотни килограммов готовых наркотиков и психотропных веществ, прекурсоров, сырья, семян опийного мака.⁸

В 1990-х гг. в мире окончательно утверждается тенденция, согласно которой районы незаконного производства и транзита наркотических веществ совпадают с зонами конфликтов низкой и средней интенсивности. При этом, естественно, производители наркотических веществ становятся прямо заинтересованы в поддержании, продлении режима нестабильности в этих регионах. На рубеже веков нелегальное распространение наркотических веществ наряду с торговлей оружием и международной коррупцией стало важнейшим фактором криминализации международных отношений. Permanently кризисная ситуация в Афганистане является едва ли не наиболее ярким примером этой тенденции. Применительно к Центральной Азии, явление оказывается серьезно усугублено распадом СССР, который повлек за собой социально-экономическую и политическую нестабильность, аморфность новообразовавшихся государственных структур, включая и их силовую составляющую. Важнейшим фактором, спровоцировавшим стремительное становление так называемого «северного» маршрута нелегальной транспортировки наркотических веществ из Афганистана, стала ликвидация существовавшей во времена СССР единой системы охраны государственной границы.

Как и Советский Союз, новые государства, образовавшиеся в регионе, избрали режим изоляции в качестве средства обеспечения своей

⁸ *Искандаров К.* Наркобизнес в Таджикистане: связь с афганским конфликтом// Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 5(6). – С. 180.

безопасности со стороны продолжавшегося конфликта в Афганистане. Однако высокоорганизованной системой охраны границ этот режим не отличался. В первые же годы существования независимых государств этот режим был нарушен в связи с событиями гражданской войны в Таджикистане, а позже — и односторонней активностью Туркменистана по налаживанию взаимоотношений с талибами.⁹ Примерно в то же время начался и процесс прямого вовлечения в незаконный транзит наркотиков представителей государственных и политических структур центральноазиатских стран.

Тенденция к росту производства героина в Афганистане развивалась параллельно с освоением маршрутов нелегальной транспортировки наркотических веществ через Центральную Азию. Так, еще в начале 1980-х гг. Иран резко ужесточил законодательство и начал проводить комплексные мероприятия, направленные на предотвращение использования своей территории для транзита наркотических веществ.¹⁰ Судя по всему, международные криминальные группировки на некоторое время оказались в растерянности. Эта ситуация сохранялась недолго. После распада СССР распалась и единая система пограничной охраны, соответственно, ослабла охрана внешних государственных границ новых государств. Внутренние (между странами СНГ) границы оставались фактически неконтролируемыми до формирования национальных таможенных структур (1993-1994 гг.). Эта ситуация в значительной степени и спровоцировала утверждение нового маршрута незаконного перемещения наркотических веществ из стран Южной Азии через территории постсоветских государств.

К концу 1990-х годов процесс интеграции организованных сообществ, связанных с производством и транспортировкой на мировые рынки, а также с местным распространением, наркотиков, вступил в новую, еще более опасную, фазу. Незаконными операциями с наркотиками, так или иначе, стали заниматься практически все действовавшие в центральноазиатском регионе организованные преступные группировки. Развивался процесс интегрирования их в международную систему торговли наркотическими веществами со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Распределялись сферы влияния, шла преступная специализация — часть организованных преступных группировок специализировалась на контрабанде наркотических веществ из Афганистана, другая занималась их доставкой из Таджикистана, третья распространяла наркотики по государствам СНГ, практически по всем крупным промышленным центрам Российской Федерации. Наиболее структурно оформившиеся

⁹ *Акимбеков С.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. — Алма-Ата: 2003. — С. 175-178. *Князев А.А.* Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). — Душанбе: Дониш, 2004. — С. 164.

¹⁰ *Rashid, Ahmed.* Pakistan and Taliban // Fundamentalism reborn? Afghanistan and the Taliban. Ed. by W. Maley. — New York, 1998. — P. 77. См. также: *Бойко В.С.* Исламский Эмират Афганистан в преддверии XXI века: контуры государственной политики// Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. — Томск, 2000.

организованные преступные группировки осуществляли полный цикл наркобизнеса от контрабанды наркотиков из Афганистана, через Таджикистан, Киргизстан, Узбекистан, Казахстан до конечного пункта — главным образом, регионов Российской Федерации.

Едва ли не самым ощутимым из результатов американской военной операции в Афганистане стал стремительный рост нелегального производства транзита наркотических веществ в 2002-2003 гг. В первую очередь, он был связан с расширением посевов опийного мака на территории Афганистана. И это при том, что общепризнано среди специалистов: одним из наиболее эффективных способов борьбы с наркопроизводством является так называемый «перехват на месте», то есть, уничтожение собственно плантаций и произведенной продукции на территории страны-производителя. В Афганистане среднегодовой перехват периода американско-натовской оккупации равняется 1,3 процента, для сравнения — в Колумбии этот показатель составляет 37 процентов.

* * *

Документально подтвержденных доказательств участия НАТО и США в организации наркотрафика и содействии наркопроизводству нет, однако большой ряд косвенных признаков свидетельствует о таковой причастности. Можно отметить, к примеру, что основные эпицентры распространения афганских наркотиков в Европе совпадают с местами дислокации американских вооруженных сил — в первую очередь это Косово, американская военная база Бондстил. А также расположенные на территории Германии Битбург, Зембах, Рамштейн, Хан, Цвайбрюккен и Шпангдалем. Это военно-воздушная база США в Морон-де-ла-Фронтера и военно-морская база в Рота в Испании. Некоторые европейские эксперты утверждают, что более 40% героина поступает на европейский рынок именно из Косово.¹¹ Простая логика позволяет предположить, что доставка опиатов на европейские рынки может в этом случае осуществляться лишь посредством использования военно-транспортной авиации США, следующей из Афганистана транзитом через воздушное пространство стран Средней Азии и России, и важным логистическим узлом этого трафика является, без сомнения, американская военная база («Центр транзитных перевозок») в международном аэропорту «Манас» в Киргизии.

Другими словами, иллегальное массовое распространение наркотиков является сегодня одним из важнейших инструментов геополитического конфликта между мировыми центрами силы. А значит, наркопроизводство и наркотрафик, рассматриваемые в геоэкономической плоскости, представляют собой один из тех географических императивов, выражающихся в органичной связи экономики и пространства, во влиянии

¹¹ Геополитические основы наркоэкономики // Эксперт-Казахстан, №18 (166)/5 мая 2008. — По URL: [http://www.expert.ru/printissues/kazakhstan/2008/18/qa_knyazev/]

климатических и ландшафтных особенностей на формы и закономерности хозяйственной деятельности. Это есть чрезвычайно актуальный инструментарий, позволяющий воздействовать на происходящий сдвиг международных силовых игр из области военно-политической в область экономическую, порождающий особый тип конфликтов — геоэкономические коллизии в глобальном контексте. Наркотики — инструмент международной политики США, с помощью которого можно вызвать рост коррупции, подрвать обороноспособность, уничтожить генофонд. К такому выводу можно прийти не на основании каких-то секретных данных. Достаточно просто обобщить и проанализировать общеизвестные факты, чтобы понять: результатом военной кампании США в Афганистане стали активизация экстремистских и террористических группировок и многократный рост производства наркотиков, что является угрозой для всего Евразийского континента. Любопытно, что для западных исследователей так называемая экономика наркотиков не ограничивается количественным анализом наркобизнеса. Их цель амбициознее: сформулировать рекомендации по применению необходимых репрессивных мер, направленных на поддержание употребления наркотиков на том уровне, который рассматривается как оптимальный для данного общества. Речи о полном отказе от наркофеномена не идет, он изучается на уровне теорий и микро- и макроэкономики. Иными словами, наркотики рассматриваются и как обычный товар, и как объект государственного регулирования, как идеальный инструмент сетевого контроля над обществом — своим или чужим, это уже другой вопрос.

Важно понимать следующее. Для Западного полушария наркотики афганского происхождения — явление несистемное, там более актуальна проблема поставок из Мексики и Колумбии. Афганский героин — угроза для Старого Света, а также для Китая, стран бывшего СССР, Ближнего Востока, Северной Африки. Наркопроизводство и наркотрафик, рассматриваемые в геоэкономической плоскости, представляют собой один из географических императивов, выражающихся в органичной связи экономики и пространства, во влиянии климатических и ландшафтных особенностей на формы и закономерности хозяйственной деятельности. Что, собственно, является одним из объектов исследования геоэкономики, просто не обращающей никакого внимания на наркоэкономику. Таким образом, наркотики позволяют перенести международные силовые игры из области военно-политической в область экономическую. В этой связи нельзя не вспомнить об идеологических детерминантах происходящего в Афганистане и вокруг него. Присутствие криминальной составляющей в современных политических процессах в странах центральноазиатского региона не является какой-то специфической региональной характеристикой. Специфика региона в этом контексте заключается в двух основных аспектах проявления этого фактора: во-первых, это высочайшая роль клановой структуры общества, во-вторых — транзитный характер региона в процессе незаконного оборота наркотических веществ, производимых в Афганистане.

Как и во всех традиционных обществах, в постсоветских государствах Центральной Азии существует своеобразная «двойная» политическая культура, в которой параллельно с официальными органами управления присутствуют традиционные формы власти. При этом перемещение по иерархии в одной системе, как правило, сопровождается изменением статуса в другой. Лидеры традиционной системы иерархии, прямо не представленные в официальной политической власти, нередко оказывают сильное влияние на принятие важнейших политических решений. Параллельные структуры часто обладают более сильным влиянием на своих сторонников, нежели государство, оказывая прямое воздействие на общественно-политическое развитие своих стран.

Эта специфическая черта постсоветских среднеазиатских обществ, продолжая действовать и в настоящее время, оказала определяющее влияние на формирование первичных форм государственности в бывших союзных республиках сразу после распада СССР. Политическая власть в современной Центральной Азии не является продуктом классического политического процесса в его европейском понимании. Политическая власть в современной Центральной Азии является результатом способности правившей на момент перехода к независимости номенклатуры внутренне консолидироваться и удержать в своих руках основной инструментарий государственного управления — так произошло в Казахстане, Узбекистане, Туркмении. Либо — как в Таджикистане и Киргизии — политическая власть является результатом достижения компромисса между основными кланами, ведущими свою историю из традиционного прошлого.

Наиболее очевидна деятельность «совокупного Запада» по разрушению государственных институтов в странах региона и прямым связям с наркокриминальными структурами, что ярко проявляется при реализации (или попытках реализации) «оранжевых сценариев». Наиболее очевидными являются процессы, происходящие в Киргизии и Таджикистане. Одним из инструментов, обеспечивающих наркотранзит, является «демократизация» силовых, правоохранительных структур и специальных служб.

В конце октября 2003 года в зоне ответственности Московского погранотряда ФПС России в ходе перестрелки были задержаны 14 контрабандистов — граждан Таджикистана, пытавшихся переправить через границу более 900 кг наркотических веществ. В результате предварительного разбирательства выяснилось, что партия наркотиков принадлежала сыну Нуритдина Рахмонова, брата президента Таджикистана. Любопытно, что именно тогда таджикское руководство выступило с инициативой по выводу погранвойск ФСБ РФ из РТ, что и было осуществлено к осени 2005 года.¹² Параллельным был процесс утверждения постоянного присутствия на таджикско-афганской границе американских и натовских советников и инструкторов и общий процесс по либерализации режима этого участка афганской границы. К настоящему времени на таджикско-афганской границе

¹² *Князев А.А.* Опиум для народов // Однако. — М., 2010. — №12 (28), 5 апреля.

сформировалась четко иерархизированная структура наркотранзита феодального типа, когда каждый полевой командир (он же – начальник погранзаставы, начальник погранотряда и т.д.) контролирует процесс контрабанды наркотиков, получая определенный процент доходов и передавая

Киргизия и Таджикистан объединяются одной важной характеристикой: отсутствием высокодоходных и способных быть быстро продвинутыми на рынки ресурсов. Результатом этого стал тот факт, что на первоначальном этапе кланами, занявшими основные политические позиции, в качестве ресурсов для личного обогащения были избраны приватизация, изъятие в различных формах бюджетных и кредитных средств, а также элементарный рэкет. Все объекты экономики, способные давать доход, находятся под контролем тех или иных кланов, при этом основными мотивами всей внутривнутриполитической жизни становятся возможности в перераспределении такого рода объектов. Непосредственным инструментом контроля над собственностью становятся организованные преступные сообщества, устанавливается прямая связь между политическими деятелями и криминальными авторитетами.

На самом первоначальном этапе независимого существования этот процесс более ярко проявляется в Таджикистане: в ходе поляризации сил внутритаджикского конфликта и последующего послевоенного периода целый ряд криминальных авторитетов прямо инкорпорируется в политическую систему и сферу государственного управления. В Киргизии этот процесс носит поначалу латентный и менее динамичный характер.

В Киргизии к весне 2002 года сложилась ситуация, когда наркотранзит контролировался сразу несколькими группировками, связанными с лидерами оппозиции тогдашнему президенту Аскарму Акаеву и криминальными кланами Южного Казахстана и Узбекистана. Одной из главных причин событий 24 марта 2005 года, в результате которых произошли государственный переворот и свержение Акаева, была конкурентная борьба за контроль над транзитом наркотиков под патронажем (де-факто) тогдашнего посла США в Киргизии Стивена Янга. Чрезвычайно важным обстоятельством в ряду факторов, обусловивших возможность совершения государственного переворота, стала абсолютно недопустимая слабость правоохранительных и иных силовых структур страны, равно как и неготовность руководства страны, прежде всего президента, к управлению данными структурами по защите интересов национальной безопасности. Анализируя деятельность этого компонента исполнительной власти в ходе мартовских событий, необходимо констатировать абсолютную недееспособность всех силовых структур. Объясняется она несколькими причинами.

На протяжении ряда лет в министерствах обороны и внутренних дел, в Службе национальной безопасности и в Национальной гвардии под видом сотрудничества активно действовали представители иностранных и международных структур, прежде всего — спецслужб, в значительной

степени содействуя деморализации личного состава, в первую очередь — руководства. В 2004 финансовом году США выделили Киргизии 50,8 миллиона долларов, которые были потрачены на поддержание экономических и демократических реформ в стране, в том числе в таких областях, как выборы, гуманитарная помощь, правоохранные усилия и безопасность. Другими словами, отступившие перед «революционной» толпой органы правопорядка попросту находились на содержании США. Патриотический и правоохранный элемент в деятельности киргизской милиции был сведен к минимуму, зато коррупционная составляющая была откровенно велика. Применение армии было изначально фактически заблокировано псевдогуманистической, псевдodemократической и антиправовой догмой: «мы никогда не применим силу против собственного народа». Применение властью силы во внутривластном конфликте, то есть именно то, что делает власть властью, априори было зачислено в разряд преступлений. Это вполне объяснимо в условиях наступившей к 2004 г. десоверенизации киргизской государственности (как и многих постсоветских политических систем, включая российскую). В силовых структурах оказались представлены сторонники самых разных политических и мировоззренческих позиций со всеми вытекающими отсюда переходами на сторону восставших или уж, как минимум, моральной неготовностью активно действовать против них. Победе оппозиции в высокой степени способствовала именно эта сложная идентификация силовиков и спецслужб. Процесс разложения силовых структур сопровождался и чрезмерной открытостью информации, относящейся к сфере национальной безопасности. Например, в последние 2 года правительством реализовалась программа Всемирного банка по реформе государственного управления (порядка 20 млн. долл. США только за последний год), осуществлялся проект ОБСЕ по совершенствованию правоохранных структур (3,5 млн. евро). В ходе реализации данных проектов были полностью раскрыты структура и общая информация по количественному и качественному составу госслужащих и сил правоохранных органов. В структуре Службы национальной безопасности активно действовали представители ЦРУ США и БНД ФРГ. По инициативе посольства США в Бишкеке был создан так называемый «Региональный институт специальных исследований», куда из штата СНБ были переведены несколько десятков офицеров, включая и технических специалистов. Создание такой структуры было замотивировано интересами «борьбы с терроризмом», однако ряд косвенных фактов позволяет предположить причастность данного «института» к подрывной деятельности внутри страны в интересах США. Сотрудники СНБ, откомандированные в «Региональный институт специальных исследований», полностью находились на обеспечении американской стороны и были выведены из подчинения руководству СНБ. Все это было важным компонентом диверсионной работы по смене руководства республики и установления режима внешнего управления.

Период 1999-2005 гг. был временем постоянных переделов в сфере контроля над наркотрафиком между различными ОПГ и патронировавшими преступные сообщества политиками и представителями правоохранительных органов. Одним из основных был Жаныш Бакиев — на тот момент полковник милиции, бывший в период премьерства брата, Курманбека Бакиева, начальником главного управления внутренних дел на транспорте МВД Киргизии. Оперативная информация о руководящей роли Жаныша Бакиева на одном из проходивших через республику маршрутов наркотрафика неоднократно поступала от АКН и, особенно, от СНБ КР в правительство, однако последствий это не имело. В Киргизии до марта 2005 года процесс наркотранзита был децентрализован и не являлся монополией правившей политической элиты. Череда громких убийств, произошедших сразу после марта 2005 года, должна рассматриваться как раз в контексте процесса монополизации наркотрафика семьей Бакиевых. Ведущая роль в этом процессе, несомненно, принадлежала брату президента Жанышу Бакиеву, сын президента, Максим Бакиев, через подконтрольные банковско-финансовые структуры (прямо связанные с Б.А. Березовским) осуществлял «отмыв» денег, переводя их на счета семьи за рубежом, либо вкладывая в другие криминальные предприятия.

В октябре 2009 года президент К. Бакиев ликвидировал своим указом Агентство по контролю наркотиков Киргизстана. В течение полугода до ликвидации АКН провело ряд операций, предотвратив поставку в Россию нескольких особо крупных партий наркотиков: например, партию в 200 килограммов опия, перехваченную благодаря работе АКН КР на территории РФ, в ФСКН РФ оценили в 3 миллиона евро. Изначально АКН создавалось под эгидой Управления ООН по наркотикам и преступности, через которое правительством США осуществлялось основное финансирование, которое американская сторона прекратила к середине 2009 года, сразу после подписания в июне 2009 года соглашения о создании в международном аэропорту «Манас» своего «Центра транзитных перевозок». Инициативу проявила Россия, руководство которой решило взять финансирование киргизского АКН на себя. В августе 2009 года на Иссык-Куле проходил совет руководителей правоохранительных органов стран ОДКБ, занимающихся борьбой с наркобизнесом, где директор ФСКН РФ Виктор Иванов объявил официально: премьер-министр Владимир Путин дал поручения главе МИДа Сергею Лаврову и главе Минфина Алексею Кудрину вплотную заняться вопросом финансирования киргизского АКН. Курманбек Бакиев абсолютно проигнорировал тогда важное для республики мероприятие. Характерно было и поведение США: если весь предшествующий период Агентство по борьбе с наркотиками при Минюсте США оказывало киргизским коллегам большую поддержку, то теперь в госдепартаменте просто «рубилась все инициативы по продлению финансирования агентства». Удостоверившись в незыблемости соглашений о расположении своей авиабазы в аэропорту «Манас», в наличии полной для себя управляемости правящим семейством,

администрация США установила с режимом Бакиева вполне конкретные коррупционные отношения.¹³

После свержения Бакиева в апреле 2010 года киргизская часть наркотрафика вновь была монополизирована и вся последующая политическая жизнь была и остается выстроена вокруг главного: права на контроль над наркопотоками. В этом процессе вновь очевидна роль США. Конфликтно-криминальная парадигма дополняется наркокриминальными обстоятельствами. С этим фактором во многом были и остаются связаны и реваншистские устремления семьи Бакиевых. С этим же фактором связывают свое благополучие и многие из остающихся в рядах действующих политиков Киргизии. Еще весной 2011 года, перед началом президентской предвыборной кампании в Киргизии, американские спецслужбы организовали содействие созданию коридора для нового маршрута наркотрафика. Маршрут проходит от Ваханского уезда провинции Бадахшан в Афганистане, где проживают этнические киргизы, относящиеся к роду «сары-тейит»,¹⁴ через их родственников, проживающих в Мургабском районе Горного Бадахшана в Таджикистане, где тоже живут «сары-тейиты» и близкие к ним «тейиты». Оттуда — через Гульчу в Ош и на весь юг Киргизии.¹⁵ Маршрут построен на родственных связях и предназначен для подпитки южных киргизских кланов. Организация подобных каналов — стандартная американская схема поддержки самофинансирования различного рода незаконных боевых формирований, применяемая по всему миру. Контролируемый американцами ресурс должен дать возможность, усилив эти кланы, препятствовать формированию в Бишкеке сильной власти и поддерживать политическую систему и систему государственного управления республики в разбалансированном состоянии. Таковой она и является, представляя собой угрозу не только киргизской государственности, но и катализатор региональной нестабильности.

* * *

Вообще, создание обстановки перманентной нестабильности региона Средней Азии и Казахстана необходимо рассматривать как одну из наиболее приоритетных задач США и НАТО. В этом плане важен обозначившийся в

¹³ См. подробнее: *Князев А.А.* Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). — Бишкек, 2012. — С. 266-276

¹⁴ Тема не новая, автору приходилось писать об этом более десяти лет назад, см.: *Князев Александр.* Смутные времена на «крыше мира». Вернутся ли афганские киргизы на историческую родину?// Независимая газета. — М., 2000. — 2 декабря. — С. 5. К роду «тейит» относятся и Бакиевы. Учитывая роль родоплеменного фактора, внутри южных кланов существует также потенциальный раскол — между крылом «ичкилик» и крылом «отуз уул», к последним относятся киргизы, проживающие в Алайской долине, в районе Гульчи, то есть, способные воздействовать на возможности наркотрафика, из политиков сюда относятся Ахмадбек Кельдибеков и Исмаил Исаков.

¹⁵ Представители «тейитов» дисперсно живут во многих местностях юга Киргизии — в районе Оша, Джалал-Абада и в районе узбекистанского анклава Сох в Баткенской области.

последние год-полтора тренд по разделу Афганистана и изменению всей политической географии региона.

Проект раздела Афганистана необходимо рассматривать в контексте обсуждаемого вывода в 2014 году из страны иностранных войск и передачи ответственности за поддержание безопасности афганской национальной армии и полиции. При этом снижение интенсивности боевых действий, не говоря уже об их прекращении, совсем не очевидны. Анализ основных парадигм американско-натовской стратегии в регионе позволяет скорее предположить жестко сформулированную установку на реализацию ситуации «управляемого хаоса» в регионе.

Основные тренды развития ситуации к концу 2011 года:

- активизация антиправительственных сил и движения сопротивления иностранному военному присутствию;
- тенденция к сокращению военного присутствия ISAF и Operation Enduring Freedom;
- продолжающаяся недостаточность афганских национальных сил безопасности;
- невозможность установления регионально-этноплеменного баланса в афганской политической элите в кратко- и среднесрочной перспективе;
- «реинкарнация» Исламского движения Узбекистана и других аналогичных группировок и их активизация в северо-восточных провинциях (Тахар, Кундуз, Бадахшан), частично в других северных провинциях (Баглан, Саманган, Батгиз, Фариаб);
- продолжающиеся осложнения в афгано-пакистанских отношениях, особенно в приграничных вопросах, влекущие объединение афганского конфликта с ситуацией в Северо-Западной пограничной провинции, в провинциях Вазиристан и Южный Вазиристан Пакистана;
- активизация белуджских сепаратистских организаций на юге Афганистана.

Основные силы американско-натовской коалиции будут смещены на север Афганистана, где ключевой становится уже действующая американская военная база в Мазар-и-Шарифе, а частично — в страны Центральной Азии. Размещение американских и натовских военных баз после 2014 года – это ключевой тренд взаимоотношений между правительством Хамида Карзая и администрацией США и ряда европейских стран. В течение 2011 года представителями госдепартамента и военного руководства США велись интенсивные переговоры и с руководством всех центральноазиатских стран на предмет размещения в них американских военных инфраструктурных объектов и военнослужащих. Среди наиболее представляющих интерес для США:

- расширение военного присутствия в международном аэропорту «Манас» в Киргизии;
- создание военных объектов в киргизской части Ферганской долины (Ош и Баткен);

- создание военных объектов в Кулябе, Айни, Хороге и Мургабе (Таджикистан);
- использование военного аэродрома в Мары (Туркмения);
- использование военных аэродромов Тузель (Ташкент), Чирчик, в Термезе (Кокайды), Ханабаде, Бухаре; реанимация старых аэродромов (например, Жаслык в Каракалпакии) в Узбекистане;
- использование аэродромов в Алматы, Боралдае, Аркалыке (реконструкция), создание военной базы в Актау (Казахстан).

Публичная часть этого переговорного процесса подкрепляется нагнетанием в региональных СМИ представлений о росте угроз безопасности со стороны Афганистана после 2014 года, что подкрепляется и отдельными акциями подконтрольных спецслужбам США террористических группировок, в частности в Киргизии и в Казахстане. Активность такого рода группировок нарастает, будучи направлена на установление в регионе обстановки нестабильности, обосновывающей американское военное присутствие.

Общий анализ ситуации в Афганистане, Таджикистане и Киргизии позволяет прогнозировать вероятное объединение трех стран в единую конфликтную зону. Это только подтверждается низким уровнем охраны государственных границ между Афганистаном и Таджикистаном, между Таджикистаном и Киргизией. Несомненно, близость зоны конфликта обязательно окажет воздействие на Узбекистан и Казахстан. Такое развитие событий может повлечь участие в конфликте России, в частности в формате ОДКБ, что дополнительно приведет к разрастанию и пролонгации конфликта в рамках всего региона. Превратив его уже не в проектный, а во вполне реальном измерении, в часть находящегося в состоянии перманентного вооруженного конфликта «Большого Ближнего Востока».